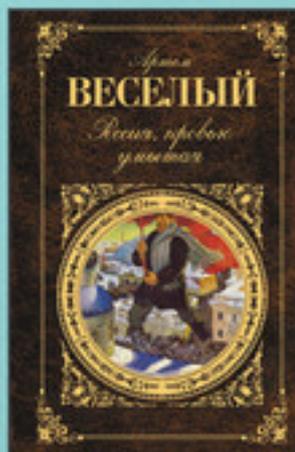

Артём Весёлый

Хомутово село

*Часть сборника
Россия, кровью умытая (сборник)*

Артём Веселый
Хомутово село

«ЭКСМО»

Веселый А.

Хомутово село / А. Веселый — «Эксмо»,

ISBN 978-5-457-13033-3

«Уезд засыпáли снега и декреты. Дремали притихшие заволжские леса. В зимних полях почилá великая тишина. Сыто дремала дремучая деревня, роняя впросонках петушинные крики и бормот богова колокола. Над оврагом деревня, в овраге деревня, не доезжа леса, деревня, проезда лес, деревня, в долу деревня, за речкой деревня. Богата ты, страна родная, серыми деревнями... Вот Хомутово село...»

ISBN 978-5-457-13033-3

© Веселый А.

© Эксмо

Артем Веселый

Хомутово село

*В России революция —
ото всего-то
света поднялась пыль
столбом...*

Уезд засыпали снега и декреты.

Дремали притихшие заволжские леса. В зимних полях почил великая тишина. Сыто дремала дремучая деревня, роняя впросонках петушиные крики и бормот богова колокола.

Над оврагом деревня, в овраге деревня, не доезда леса, деревня, проезжа лес, деревня, в долу деревня, за речкой деревня. Богата ты, страна родная, серыми деревнями...

Вот Хомутово село.

Широко разметались избы шатровые, пятистенные, под тесом, под железом. Дворы, как сундуки, крыты наглухо. Ставни голубые, огненные, писульками. В привольных избах семейно, жарко, тараканов хоть лопатой гребь. Киоты во весь угол. Картинки про войну, про свят гору Афонскую, про муки адовы. И народ в селе жил крупный, чистый да разговорчивый. В бывалошное-то время, по воскресным и престольным праздникам, село варилося в торжище, как яблоко в меду. Красные товары, сыпки хлебные, расписная посуда, ободья, дуги, деготь, жемки, пряники, гурты скота, степных лошадей косяки, рев, гам, божба цыганская, растяжные песни слепых и юродивых, карусель, казенка в два этажа. Первоющее было село изо всей округи. И война царская зацепила село краем: из хомутовцев иные в город на военный завод попрятались, а иные вовсе откупились — дома на оборону работали, и хорошо работали: каждый год бабы по одному да по два валяли, ровно блины пекли. Революция, как гроза, ударила в богатое село — торговля хизнула, загдох большак, дела на убыль пошли.

И Капустин Иван Павлович в Хомутове вырос — в скудости да в сиротстве. Матери он не помнил, отца на японской войне кончили, и довелось Ваньке с мальчишек в чужие люди пойти, работать за шапку ржаных сухарей. Потом его увез с собой в город трактирщик Бармин. Служил Ванька и трактирным шестеркой, и в мучном лабазе у купца Хлынова на побегушках, и учеником в слесарной мастерской. Два лета ходил по деревням, чинил замки, тазы и ведра. Потом ездили хомутовские мужики сдавать купцу хлеб и слышали, будто попал Ванька в острог, а за какие дела, толком никто так и не знал. После видали его в большом волжском городе, на пристанях крюшничал — мешки нянчил. В войну, в дремучем Кудеяровском овраге, урядник Кобелев накрыл шайку не то беглых солдат, не то конокрадов и Капустина с ними. Что были за люди, леший их знает, болтали на селе всячину, да ведь есть которые врут, ровно в заброд бредут по нижнюю губу, только отфыркиваются.

В революцию без шапки, с разинутым ртом стояла деревня на распутье неведомых дорог, боязливо крестилась, вестей ждала, смелела, орала, сучила комлястым кулаком:

— Земля... Свобода...

Как-то праздничным побытом на кровном рысаке купца Хлынова прикатил в Хомутово Иван Павлович, товарищ Капустин.

Все так и ахнули.

На сходке, после поздней обедни, рассказал Иван Павлович, что есть он самый политический человек, давно революцией тайно занимался и всего неделю как вернулся из сибирской тайги, куда был сослан на восемь лет каторжных работ. Жалостливые бабы сморкались в подолы, а старики вспомнили, что когда-то, вместе с другими парнями, били они и Ваньку в волостном правлении за поругание над царским портретом. Валились старики в ноги, бородами мели землю и Христом-богом молили простить, забыть.

– Сердца на вас не имею, – сказал Капустин старикам, – вы темные, как земля.

Отец Вениамин – мужики, по простоте своей, звали его Выньаминь – отзвонил благодарственный молебен с акафистом за здравие страдальца и мученика за народ, раба божия Иоанна...

На Красную горку поехали хомутовцы сеять, а Ивана Павловича выбрали делегатом на первый губернский земельный съезд.

Поздней осенью вернулся Капустин в родное село, на вербовал по волости полторы сотни красногвардейцев и повел их на казаков. С этих пор он так и не слезил с седла: воевал с казаками, воевал с чехами, мотался по Заволжью с широкими полномочиями от губисполкома – сколачивал первые комбеды и народные суды, делил землю и крестил солдаткам ребятишек, проводил мобилизацию в Красную Армию и организовывал первые большевистские ячейки и, наконец, теперь ворочал всем уездом.

В стороне от тракта, за лесами, за болотами, проживало Урайкино село: мордва, чуваша, трава дикая. В лесах – развалины раскольничьих скитов, пчельники, зверье. Жили в скитах столетние старцы; древнего литья певучие колокола вызванивали из ада души разбойников. Вокруг села урочищ стародавних немало: тут клык сожженного грозой дуба – старое становище разбойничье; там Разин яр – богатые клады есть, сказывают старики, да поднять их мудрено. У тех же стариков на памяти церковь урайкинская выстроена, прежде березе молились. Дремало Урайкино в сонной одуре, в густе мыка коровьего, в петушиных криках. Избы топились по-черному; жива еще здесь была лучина; сучок и лыко употреблялись вместо гвоздя; холсты, пестрядину, рядно и дерюжину жители выделывали сами; властей второй год не знали и за всеми советами обращались к выжившему из ума попу Силантию; проходила трактом война, революция, продотряды, но сюда никто не заглядывал, так как значилось Урайкино на карте селом Дурасовом, по имени давно умершего помещика, а села Дурасова никто и слыхом не слыхал. Земля – неудобь, песок, глина, мочажина. Редкая семья ржанину досыта ела, больше на картошке сидели. Лошаденки были вислоухие, маленькие, как мыши. Сохи дедовы... Работали мужики в большие дни, по великому обещанию, а то все на печках валялись, в затылках скребли, чадили едучим куревом, шатались из избы в избу, разговоры разговаривали неприподъемные, угарные, как русская лень. Зато чугунок урайкинцы варили!.. Проезжай все царства и республики, а такой не найдешь. Хватишь ковшик урайкинской чугунки и не отличишь пенька от матери родной. По праздникам надевали мужики цветные радостные рубашки, после обедни люто напивались и дрались, сноровя сперва разодрать друг на друге рубашки, а потом – и по рылам. Под веселую руку баб колотили, свято чтя пословицу: «Жена без грозы хуже козы». В долгие, как Иродовы веки, деревенские ночи бабы терпеливо ублажали мужей, вскакивали бабы до зари и дотемна мотались по дому, и в поле и в лес шли и ехали; всякую работу через коленку гнули крутогрудые, налитые бабы, бурестой, трава дикая... В писанные лапти подобутое, лыком подпоясанное, плутало Урайкино в лесах да болотах.

Прислонилась задом к лесу Вязовка, раскольничье село толку спасова согласия. Чудно жили, не люди, а какое-то вылюдьё. Звались братцами, ни царю, ни революции ни одного солдата не дали. Жили ровненько; замков и запоров не знали; народ все был самостоятельный. На много верст кругом славилось село своей исключительной честностью. Старики рассказывали: заедет, бывало, в Вязовку торгаш – покупай, меняй, чего твоей душе угодно. Денежный ты человек – плати, скудный – и скудному отказу нет: вынет торгаш из кисета уголек, у хозяина на столбе воротнем отметочку засечет: «Столько-то за тобой, добрый человек, будут деньги – готовь к покрову, не будут – подожду».

Старые времена, старые дела...

Хомутовская волость, проводив белых, на пашню кинулась – поднимали степь под ярину, перепахивали и засеивали баб. С покрова до Михайлова дня деньки держались холод-

ные и ясные, как стекло, на току хоть блоху дави, самое для молотьбы время. Деревня спала не разуваясь и с первыми петухами бежала на гумна, торопливо крестилась на занимавшийся восход, на работу валилась дружно – поту утереть некогда. Прожорливые молотилки полным ртом жевали снопы, только полога подставляй. Дробно драдракали цепи, ошалело кружились взмыленные лошади, гикали охрипшие гоняльщики, скрипели сытые воза.

Обмолотилась деревня, в жарко-на́жаркой бане косточки распарила, хлебнула самогону ковш, и усталости как не бывало.

Зашумели свадьбы.

Только и разговоров что про посиделки, вечерки, смотрины. Там жених с товарищами двумя тройками к невесте на девичник поехал, там – большой запой, гостей полны столы; на столах, по заведенному издревле обычаю, лапша со свининой, сальники, курники, пироги. Невеста со словом приветливым обносит гостей. Зевластые бабы бойко рюмочки пригубливают. Девки величают толстую сваху:

Чего наша сваха
Бела и румяна,
Бела и румяна,
Еще черноброва.
Только нашей свахе
При городе жити,
Торгом торговати
Кумачом-китайкой.

Величают жениха с невестой, отца с матерью, дядьев, деверьев, всю родню. За песни щедро сыплются похвалы и скупое – деньги. Вьются шелковые ленты в девичьих косах, высокие голоса рубят:

На Ванюше шапочка
осистая,
пушистая...
Наперед она
на —
весистая...
Спреди ему
очей
не видать...
Э-эх, да сзаду
плечей
не видать...

Метет шалой бабий визг, вяжется пьяный плетень разговора.

Спозаранок жениховы посланные скакали к невесте с повестью.

В окна кнутовищем:

- Подавайте невесту, жених скучает.
- Не торопите, купцы, не торопите.
- Все глаза проглядели.
- Собирам, сватушка, собирай.

Невеста с утра вопила в голос. Подруги с уговорами да прибаутками расплетали, чесали косыньку девичью.

А там – чу – и поезжане ко двору подкатили: с боем выкупали ворота, выкупали косу, дружка разрезал хлебы, меняя половинки, нареченные с земным поклоном принимали родительское благословенье, и все, помолвившись, шумно выходили на двор, где кони, кося искрометным глазом, нетерпеливо переступали, тревожа бубенцы и колокольца. Дружка с иконами обходил поезд.

– Ну, поезжане, кто с нами – садись в сани, а кто не с нами – отходи прочь!

Гремел воротный болт.

– Трогай... С богом.

Тройка уносила свадебный поезд. От венца ехали к молодому.

Свекор с свекровью, наряженные в вывороченные тулупы, встречали молодых в воротах и щедро обсыпали хмелем и житом, чтоб богато и весело жили, поили молодых молоком, чтоб дети были у них не черные, а белые.

На пороге молодых встречала коренная сваха, чарочки им наливала через край и приговаривала:

– Столько бы вам сынков, сколько в лесу пеньков... Да столько бы дочек, сколько в болоте кочек... Перину-то в двое рук взбивали, уж так взбили, так взбили...

С утра готов горной стол.

На улицах свадебное катанье – под дугой бубенцы, в гриве ленты переливались радугой. В лентах, в линючих бумажных цветах – орущее, ревущее, визжащее... Глиняные горшки били, орехи и пряники ребятишкам разбрасывали – молодым на счастье. Осатаневшие бабы, высоко задирая юбки и размахивая сорванными с голов платками, плясали и орали срамные песни.

Вечером всем аулом ехали к молодой на яичницу. А там, глядишь, и разгонные щи недалеки...

На Михайлов день Хомутово проскакали двое верховых – Карпуха Хохлёнков и Танёк-Пронёк, – то капустинские ребята воротились по домам. Как раз старики от обедни шли и переговаривались:

– Наши башибузуки явились.

– Лебеда-лабуда, крапива, полынь горькая... Хороших людей на войне убивает, а на таких псов и пропаду нет.

– Наведать надо... Ведь он, Пронька-то, сукин сын, крестник мой.

Хохлёнков проскакал нижний прогон и круто осадил перед своим двором: лошадь с разбегу легонько ткнулась вспененной мордой в ворота, отороченные жестяными пряниками. Калитка была расхлебана, по двору ветер гонял курчонок и разбрыленное сено. Заметалось сердце в Карпuxe. Горячую лошадь под навес к сохе пристегнул, сам в избу. С кровати из-под кучи тряпья стон:

– Кто это?

– Здорово ли живете?

– Карпуша...

– Аль не ждала?

– Какое... Господи... – соскочила с постели босая. Придерживая на груди дырявую рубаху, ловила мужнину руку поцеловать.

– Ложись, Фенюшка, куда вскочила... Аль болезнь крутит?

– Не чаяла... Какое... Господи...

Уложил, укрыл жену тулупом, сам на кровать присел. Жена заплакала навзрыд: прорывались горькие жалобы на деверя, на брата, на всю родню – травили, проходу не давали, попрекая тем, что он, Карпуха, у красных служит, хлеб остался в поле неубранным, Лысенка

сдохла, последнюю кобылу чехи со двора увели... Огляделся Карп со свету – пуста изба, кошка на шестке южит.

– Самовар где?

– Шурин за долг забрал.

В избу робко, ровно мышата, вшмыгнули пятилетний сын Мишка и дочь Дунька. Оди-чавшие, грязные и нечесанные, с руками, в кровь изорванными цыпками, они робко подошли к отцу. Он перецеловал их, вышарил в кармане два куска сахара, вывалянного в махорке, – гостинец. Глаза матери были затоплены счастьем. Подвыпил Карпуха, надел новую рубашку, пошел шурина бить.

У плотины на зеленом пригорке торчала косопузая избенка кузнеца Трофима Касьяновича, который уже много лет тому как утонул по пьяному делу в Гатном озере. Осталась после него коротать век с сыном Пронюшкой старая кузнечиха Евдоха. Проньку еще покойный батя к кузнечеству приставил. Пронька – ухарь малый – с утра до ночи в своей кузнице железам гремел, огонь травил, песни орал. А Евдоха первой по селу повитухой слыла и шинкарством занималась по-тихой. В восемнадцатом году напялил Пронька на свои крутые плечи шинель, взял ружье и – пропал. Ждала-ждала Евдоха, под окошечком сидючи, все глаза выплакала... Говаривала старая:

– Увидеть бы соколика хоть одним глазком, тогда и умирать можно.

Пронька приехал и только, господи благослови, вошел в избу, саблю на гвоздь повесил, с матерью за руку поздоровался, – и сейчас же на иконы:

– Мамаша, убери с глаз.

Евдоху так и прострелило.

– Да что ты, Пронюшка?.. Что ты, светик, на образа вызверился?.. Али басурманом стал?

– Убери. Не могу спокойно переносить обмана.

Не было сынка – горе, вернулся – вдвое, ровно подменили его.

Евдоха бутылку на стол.

Выпил он бутылку и опять:

– Убери.

Евдоха поставила еще бутылку, и эту кувыркнул Пронька.

– А пугала, мамаша, всецело убери, сделай сыну уваженье.

Она не согласна.

Он – за саблю.

Она – караул.

Он – саблей по пугалам.

Она за дверь и – в крик.

Выхватил Пронька из печки горячую головешку да за матерью родной черезо всю улицу, людям на посмешище, бежит и орет во всю рожу:

– Я из тебя выкурю чертей-то...

А она бежит, бежит да оглянется:

– Брось, сынок, брось... Руку-то обожгешь...

Сердце матери... Ну где, где набрать слов, чтоб спеть песнь материнскому сердцу?..

Старуха стояла на своем и гнала сына из дому. Тот не уступал и выпроваживал ее на жительство в баню. Родные навалились на буяна, и оборотилось дело по-хорошему: сын остался жить в избе, и мать осталась в избе, а передний угол шалью занавесила. У сына сердце покойно – боги не тревожат, и матери терпимо – отдернет занавеску, помолится и опять скроет лики пречистые.

На собрании выбирали Совет.

– Савела Зеленова пиши.

– Нет, у меня домашность, – отбивался Савел.

– У всех домашность, просим.

– Коего лешева? Вали, вали...

– Согласу моего нет.

– Не жмись, кум, надо.

Утакали Зеленова.

– Лупана пиши.

Лупан дурачком прикидывался:

– Перекрестись, какой из меня советчик?.. Считать до десятку умею...

– Эка, выворотил бесстыжу рожу!..

– Вали, вали, просим.

– По-хорошему надо, старики.

– Пришей кобыле хвост... Лень-то, матушка, допрежде нас родилась...

– Единогласно, пиши, его, дьявола.

И так бились с каждым.

Расходились с собрания, бережно подставляя вопросы Таньку-Проньку:

– Прокофий Трофимович, про свободну торговлю в городе ничего хорошего не слышать?

– Не соля́ живем, мука́.

– Оно какое дело?.. Пустое дело – гвоздь, а нету гвоздя, садись и плачь.

– Проша, говорил ты вроде притчей: «Ждет нас мировая коммуна». Невдомек, к чему это слово сказано? Не насчет ли отборки хлеба?

– Почему нет советской власти за границей? Али они дурее нас?

Пронька на все вопросы отвечал, как умел.

Наказание Евдохе с сыном, от работы отбился. Спозаранок уходил он в комитет бедноты и дябел там до ночи. А когда выберет вечерок свободный, мать просвещать начнет. Черствая старуха, разные премудрости туго в голову лезли.

– Дурак, наговорил, наговорил, ровно киселя наварил, а есть нечего.

– Плохо вникаешь, мамаша.

– У людей то, у людей сё, а у нас с тобой, чадушко, ничевошеньки. Нынче муки на затевку заняла.

– Ерунда, – говаривал Пронька свое любимое словечко.

– Типун под язык, пес ты лохматый... Последнюю корову со двора сведут, тогда и засвищем во все дыры.

Ночами Евдоха жарко молилась:

– Мати пречистая, вразуми окаянного...

Или подсядет, бывало, на краешек сыновней постели, да и начнет в фартук сморкаться...

– Сынок, образумься... Брось ты революцией заниматься, в года уже вышел, жениться пора, хозяйство хизнуло, кузница тебя ждет... Обо мне, старой, подумай.

– Ерунда, – только и скажет сынок Пронюшка.

Корову свою Пронька назвал Тамарой.

Хомутовская волость второй день рядила ямщика.

Старик Кулаев гонял ямщину лет тридцать из году в год. Выставит, бывало, старикам монополюшки лошадиную порцию и – вожжи в руки. В советское время – окромя как писарю сунуть – не требовалось расходу, но и цену подходящую не давали: смета, приказ, порядки, ни на что не похоже.

Облупленным вишневым кнутиком стегал себя старик по смушковым валенкам и, играя белками желтых, волчьих глаз, хрипел:

– Ращету нет, пра, ей-богу, ращету нет... Тянусь, будто дело заведено, поперек обычая не хочу лезть... Нынчековка одна чего стоит? Чудаки, прости господи, ей-бо... Дело заведено.

Старика за полы заплатанной суконной поддевки тащили сыновья: Ониска и большак Савёл, оба солдаты действительной службы.

– Айда, тятя, айда... Чего тут гавкать?.. Не хотят, не надо.

Тот еще раз оборачивался из дверей и скалил зубы:

– Дуросветы, едри вашу мать, управители... Корма ныне чего? Ковка? Дело заведено...

Сыновья вводили отца.

Смета отдела управления и наполовину не покрывала того, что загнул Кулаев... Набивался ямщить Прошка Мордвин, да дело-то не дудело – обзаведенье у него было никудышнее и лошаденки немудрящие, а тракт большой – не выгнать Прошке... А Кулаев возьмется так возьмется, ни от слова, ни от дела не отступится: справа богатая, ездовых лошадей косяк – старинный завод.

Гнали за ним десятника.

Приходил старик в черной злой усмешке, обеими руками стаскивал пудовую шапку, которую носил круглый год; расправлял масляный, в кружок подрубленный волос и спрашивал:

– Удумали?

Писарь пододвигал чернильницу, нацеливаясь строчить договор. Председатель долбил согнутым пальцем папку с надписью «Целькуляры и приказы свыше» и густо вздыхал:

– Скости, Фокич... Смета, ее каким боком ни поверни, она все смета... А овса общественного десять мешков тебе наскребем.

Советчики:

– Скости.

– Говори делом.

– Чего ты ломаешься, ровно пряник копеешный? Другой день тебя охаживаем.

– Ровно за язык повешены.

– Смета... Должен ты уважить.

– Овса тебе наскребем, ешь и пачкайся...

Кулаев заряжал понюшкой оплывший, прозеленевший от табака нос и трясся в чихе:

– Не могу... Хоть голову мне рубите на пороге, не могу!

Слово за слово, словом по слову, кнутом по столу.

– Не ращет, мужики... Гоню много... Все бьется, ломается... Ни к чему приступу нет...

Нынче однаковка звякнет в копеечку.

В сенях загремело пустое ведро, сторож-беженец Франц крикнул в дверь:

– Едет... Бешеный едет!

Кто сидел – вскочили. Встал и председатель Совета Курбатов, но, спохватившись, сел и, колотя звонком по столу, сказал:

– Прошу соблюдать... Чего вскочили?.. Всецело прошу садиться... Едет, так мимо не проедет, чай, не царь.

– Царь не царь, а полцаря есть.

Потянулись к отпотевшим одинарным окнам.

К Совету с форсом и ямщицкой удалью подлетела пара взмыленных лошадемок. Извозка, обитого малиновым ковриком, вылез завернутый в оленью доху комиссар Ванякин. И еще увидели из окон мужики – улицей проскакали верховые солдаты ваякинского продотряда.

...За зиму Алексей Савельич Ванякин научился не только телефоном орудовать или пересказывать декреты на самом простом, обывательском языке, но кое-чему и другому. И еще он, старый пьяница, переломил себя – пить бросил. На исполкомовской работе тошно показалось, и он кинулся в деревню собирать мужицкий хлеб. Никто не видал, когда он спит, ест. Прискачет – ночь-полночь – и прямо к ямщику: «Закладывай!» – «Куда на ночь глядя, окстись, товарищ, – взмолится ямщик, – лошади заморены, а на кнуте далеко не уедешь». – «Запрягай!» – «Хоть обогрейся, товарищ, бабы вон картошки с салом нажарят, а утром бог даст...» – «Давай запрягай, живо!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.